

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

ПРЕПОДАВАНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

Сообщение 4.

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия", РАМН

Патологическая анатомия в "Общем Уставе Императорских Российских Университетов"

"Особое мнение..." М. Я. Мудрова пролежало без движения в Министерстве народного просвещения более 3 лет. Причины политического характера не позволили своевременно начать подготовку "Общего Устава Императорских Российских Университетов". К работе над его составлением приступили лишь в конце 1828 г. после того, как был утвержден "Устав гимназий и училищ уездных и приходских", а инициатор радикального пересмотра университетского устава 1804 г. адмирал А. С. Шишков оставил пост министра народного просвещения.

Преемник ретивого адмирала на посту министра народного просвещения князь К. А. Ливен незамедлительно возобновил работу над составлением нового университетского устава, однако его нерешительность и известное нежелание решать проблемы, имевшие выраженную политическую окраску, привели к тому, что ко времени его добровольной отставки в 1833 г. устав был готов лишь частично. В результате завершать начатую еще в середине 1825 г. работу над уставом пришлось уже третьему по счету министру — С. С. Уварову, которому на доработку и согласование нерешенных К. А. Ливеном проблем потребовалось еще около 2 лет. Таким образом, со времени, когда А. С. Шишков учредил первый Комитет для составления устава, до 26 июля 1835 г., когда Николай I подтвердил "Общий Устав Императорских Российских Университетов", прошло чуть более 10 лет¹.

Потеря 10 лет в условиях, когда необходимость смены действовавших уставов назрела еще в середине 20-х годов XIX века, была непозволительной роскошью, но, как это часто бывает, нет худа без добра. Завершилась работа над уставом в течение 1825 г., как это планировал А. С. Шишков, патологическая анатомия, вероятнее всего, не вошла бы в число предметов преподавания на медицинских факультетах российских университетов. Во всяком случае, из представленных в ответ на обращение А. С. Шишкова проектов новой учебной программы медицинского факультета предложение о введении преподавания этой дисциплины содержалось лишь в одном — в "особом мнении" профессора и декана медицинского факультета Московского университета М. Я. Мудрова, а этот документ был полностью проигнорирован членами первого шишковского Комитета. И это еще хорошо, что тогда пользовавшийся большим влиянием в Комитете М. Л. Магницкий был занят решением других проблем. Учитывая его особое пристрастие к естественным наукам, у инициатора организации кафедры патологической анатомии и сравнительной физиологии были реальные шансы разделить судьбу его казанских коллег, а у высказанной им идеи быть

столь же торжественно похороненной, как анатомический музей Казанского университета.

Когда же в конце 1828 г. начался второй этап работы над Уставом, то расклад сил в Министерстве существенно изменился. Уже не было ни М. Л. Магницкого, ни Д. П. Рунича, уже действовал Комитет устройства учебных заведений (КУУЗ), объединивший лучшие умы дворянской аристократии России, а во главе Министерства стоял человек, не понаслышке знавший о проблемах университетского образования. 11 лет службы в должности попечителя Дерптского учебного округа и 2 года работы членом КУУЗа превратили генерала от инфантерии князя К. А. Ливена в одного из лучших в России специалистов в вопросах управления системой народного просвещения.

К. А. Ливен лично провел экспертизу собранных в течение 1825 г. материалов по пересмотру действовавших университетских уставов² и представил на суд членов КУУЗ собственный проект, в котором раздел о медицинском факультете оказался полностью идентичным "особому мнению" М. Я. Мудрова: к "распределению кафедр", предусмотренных Уставом 1804 г., добавлялась одна новая — кафедра патологической анатомии и сравнительной физиологии³.

Почему К. А. Ливен остановил свой выбор именно на "особом мнении" М. Я. Мудрова, сказать трудно. Но как бы то ни было, а после того, как члены КУУЗ 3 декабря 1828 г. единодушно поддержали предложение министра, "особое мнение" М. Я. Мудрова в мгновение ока из покрытой архивной пылью бумажки превратилось в реальную основу раздела о медицинском факультете готовившегося нового университетского Устава.

Собственно говоря, с этого момента вопрос о включении патологической анатомии в число обязательных предметов преподавания на медицинских факультетах российских университетов был предрешен. Однако поскольку "особое мнение" писалось М. Я. Мудровым, во-первых, как предложение о реформировании учебного процесса на медицинском факультете только Московского университета, а во-вторых, что называется под конкретное человека — Ю. Х. Лодера, К. А. Ливен сразу же после согласования с членами КУУЗ своего варианта нового Устава принял решение еще раз запросить мнение специалистов в области университетского медицинского образования.

Для дальнейшей работы над "устройством при Университетах медицинских факультетов" были привлечены два совершенно бесспорных эксперта — профессор Дерптского университета И. Эрдман и почетный член Московского университета лейб-медик Ю. Х. Лодер⁴. Помимо блестящего образования, полученного в лучших медицинских школах Европы, за спиной у каждого из них были реальные достижения в деле реформирова-

¹Подробнее о ходе работы над Уставом 1835 г. см.: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902). — СПб., 1902. — С. 165—197; Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. — М., 1998. — С. 207—222.

²РГИА, ф. 737; оп. 1., д. 87814., л. 387.

³Там же, л. 396 об.

⁴РГИА, ф. 787, оп. 1. д. 87815, л. 15 об.

ния учебного процесса на медицинских факультетах университетов. К концу 20-х годов XIX века И. Эрдман уже успел проявить себя сначала в Казани, где в 1814—1818 гг. фактически создал медицинский факультет, а затем в Дерпте, став главным проводником в жизнь положений Устава 1820 г.⁵ Послужной список Ю. Х. Лодера был еще более внушительным: две крупномасштабные реформы в Йене и Галле⁶, участие в создании Берлинского университета⁷ и, наконец, лежавший перед К. А. Ливену его проект реорганизации медицинских факультетов российских университетов 1826 г.⁸

И. Эрдман и Ю. Х. Лодер полностью оправдали надежды министра, и уже в январе 1929 г. КУУЗ приступил к рассмотрению присланных ими проектов раздела о медицинском факультете нового университетского устава⁹.

И. Эрдман отверг мудровский замысел организации отдельной кафедры патологической анатомии и сравнительной физиологии, предложив взамен включить патологическую анатомию в число учебных предметов, которые составили бы вместе кафедру "Патологической семиотики, Патологической анатомии и Судебной медицины"¹⁰. Причины, заставившие И. Эрдмана дать негативное заключение, точно неизвестны, однако, вероятнее всего, они заключались в том, что И. Эрдман в отличие от М. Я. Мудрова считал патологическую анатомию не фундаментальной медицинской наукой, а дисциплиной, изучающей морфологические знаки болезней. Только в этом случае патологическая анатомия, патологическая семиотика и судебная медицина могли быть поставлены рядом и сформировать единый учебный предмет, который условно мог бы быть назван "учением о клинических симптомах и морфологических знаках болезней и смерти".

Что же касается Ю. Х. Лодера, то он всецело встал на сторону мудровских идей. И тот факт, что в представленном им проекте раздела о медицинском факультете для нового университетского Устава кафедры патологической анатомии и сравнительной физиологии не упоминается, а преподавание патологической анатомии выделено в самостоятельный курс в рамках кафедры анатомии, не может служить антитезой высказанному утверждению.

Напомним основные положения мудровского "особого мнения". Патологическая анатомия как наука, изучающая структурные основы патологических процессов, является важнейшей фундаментальной медицинской дисциплиной, имеющей первостепенное значение для развития клиники. Благодаря патологической анатомии медицина постепенно "выходит из гадательных наук и стала подходить ближе к наукам верным" и ее преподавание должно быть обязательно введено на медицинском факультете Московского университета. Для освоения этой новой науки требуется детальное знание нормальной анатомии и нормальной физиологии. Однако поскольку существующая нормальная физиология и как наука, и как университетский предмет преподавания представляет собой главным образом собрание отвлеченных умозрительных гипотез и предположений, необходимо предпринять срочные меры для ее полного и окончательного превращения в науку опытно-экспериментальную и, в частности, ввести преподавание сравнительной физиологии как одного из наиболее эффективных средств совершенствования и развития нормальной физиологии человека. Для решения этих задач следует организовать кафедру патологической анатомии и сравнительной физиологии и поручить ее "специалисту в анатомических делах всякого рода" Ю. Х. Лодеру. Иными словами, М. Я. Мудров фактически предложил провести на медицинском факультете Московского университета такую реорганизацию учебного процесса, в результате которой Ю. Х. Лодер одновременно с чтением курса анатомии нормальной стал бы еще вести занятия по анатомии патологической и сравнительной физиологии. Ю. Х. Лодер предлагал реализовать этот замысел в

рамках одной кафедры: "1. Профессор Анатомии будет обучать: а) Анатомии человеческого тела с присовокуплением Специальной Физиологии и любопытнейших статей из Сравнительной Анатомии; б) Анатомии Патологической; в) под его же руководством производится студентами разсечение трупов"¹¹.

Идеологическое сходство мудровского "особого мнения" и приведенного отрывка из проекта Ю. Х. Лодера, с нашей точки зрения, представляется совершенно бесспорным. И некоторое расхождение в терминологии не должно вводить в заблуждение. В начале XIX века сравнительная физиология и сравнительная анатомия были настолько неразделимы, что в сознании врачей воспринимались как единое целое, и даже М. Я. Мудров, предлагая в официальном документе организовать "кафедру для Анатомии Патологической и для Физиологии Сравнительной", по тексту документа называет последнюю "Зоотомией"¹², т. е. анатомией животных. Что же касается упомянутой Ю. Х. Лодером и вроде бы не названной М. Я. Мудровым специальной физиологии, то она и была тем небольшим разделом тогдашней физиологии, который М. Я. Мудров рассматривал как одну из основ патологической анатомии и который уже тогда представлял собой опытно-экспериментальное знание о функционировании отдельных органов и частей человеческого тела. Последнее стало результатом того, что специальная физиология изначально возникла и вплоть до конца XVIII века развивалась не в недрах умозрительной физиологии, а как часть нормальной анатомии, изучавшей не только строение, но и "предназначение" тех или иных структур человеческого тела.

Но Ю. Х. Лодер не просто поддержал М. Я. Мудрова в его стремлении создать кафедру, на которой бы читались естественнонаучные основы клинической медицины, но просто продублировал его замысел, а развил мудровскую идею, придав ей более совершенную организационную форму. И усвершенствование состояло отнюдь не в том, что Ю. Х. Лодер нашел решение, позволявшее без потерь объединить кафедры нормальной анатомии и анатомии патологической со сравнительной физиологией в одну, а в том, как Ю. Х. Лодер задумал организовать обучение студентов на этой кафедре. Согласно его плану весь объем сведений, который студентам надлежало освоить в процессе обучения на кафедре "Анатомии", полагалось разделить на 3 последовательных и тесно связанных между собой курса, которые должны были читаться на протяжении всего времени пребывания учащихся на медицинском факультете. Первый из них предназначался для студентов первых двух лет обучения и представлял собой единый анатомо-физиологический предмет, одной из главных задач которого было заложить основы для последующего изучения курса патологической анатомии. Патологическая анатомия должна была читаться студентам 3-го года обучения (5-й семестр) и преподаваться таким образом, чтобы полный систематический курс этой дисциплины служил бы фундаментом для последующего изучения курсов частной патологии и терапии наружных и внутренних болезней (6-й семестр). Третий курс, названный Ю. Х. Лодером "разсечение трупов", был предназначен для освоения студентами последнего 4-го года обучения практических навыков выполнения анатомических и патологоанатомических исследований и был призван, с одной стороны, обеспечить закрепление пройденного материала, а с другой, вследствие того, что занятия на трупах должны были проводиться параллельно с занятиями в клиниках, наглядно демонстрировать учащимся значение нормальной и патологической анатомии для хирургии, клиники внутренних болезней и акушерства¹³.

Таким образом, благодаря Ю. Х. Лодеру предложенная М. Я. Мудровым кафедра естественнонаучных основ клинической медицины приобрела дополнительное качество. В лодеровском учебном плане, кроме основной задачи, которую должна была решать такая кафедра — обучать студентов естественнонаучным основам клиники; ей отводилась еще и роль своеобразного стержня, пронизывающего всю учебную программу медицинского факультета и обеспечивающего ее единство — тесную содержательную взаимосвязь между курсами естественных, теоретических и практических врачебных наук.

Расхождение во взглядах на патологическую анатомию, ее роль и значение в подготовке врача было далеко не единственным разногласием между Ю. Х. Лодером и И. Эрдманом. Составленные ими "планы устройства при Университетах медицинских факультетов" были настолько непохожи друг на друга, что К. А. Ливену ничего не оставалось делать, как вновь обратиться к специалистам. Правда, на этот раз он уже не стал просить избранных им новых экспертов прислать развернутые со-

⁵Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802—1902). — Юрьев, 1902. — Т. 1. — С. 364.

⁶Kaiser W. Justus Christian Loder (1753—1832) // Zahn, Mund und Kieferheilk. — 1975. — N. 63.9. — S. 271—281.

⁷Lenz M. Geschichte der königlichen Friedrich—Wilhelm—Universität zu Berlin. — Halle. 1910. — Bd 4. — S. 68—72.

⁸Сточик А. М., Затравкин С. Н. Разработка программы обучения на медицинском факультете Московского университета в период работы по подготовке устава 1835 г. Сообщение 2. Проект Ю. Х. Лодера и его судьба // Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1998. — № 6. — С. 48—51.

⁹РГИА, ф. 737, оп. 1, д. 87815, л. 15 об. — 16 об.

¹⁰Там же, л. 16 об.

¹¹Там же., л. 16 об.

¹²ЦИАМ, ф. 459, оп. 1. д. 2648, л. 42 об.

¹³РГИА, ф. 377, оп. 1, д. 87815, л. 16 об. — 20.

ображения по поводу учебного плана и учебных программ медицинского факультета, а поставил перед ними задачу тщательно проанализировать проекты Ю. Х. Лодера и И. Эрмана и "высказать заключение на счет предпочтения одного из двух"¹⁴. Проекты были зашифрованы и направлены на заключение профессору Петербургской медико-хирургической академии И. Ф. Бушу и лейб-медику Штофрегену, которые признали лодеровский проект "столь хорошо обдуманным и столь совершенным", что единодушно отдали ему предпочтение¹⁵. И. Ф. Буш, правда, высказал ряд замечаний, признанных членами КУУЗ вполне обоснованными, но ни одно из них не касалось вопросов преподавания патологической анатомии или новых принципов организационного устройства кафедры "Анатомии"¹⁶. Не последовало никаких замечаний или рекомендаций и после того, как лодеровский проект с внесенными в него поправками И. Ф. Буша уже в качестве министерского "заключения об устройстве медицинских факультетов" был направлен на суд университетских Советов.

Отсутствие откликов на предложение ввести на медицинских факультетах российских университетов преподавание систематического курса патологической анатомии не было результатом безразличного отношения И. Ф. Буша, Штофрегена или университетской профессуры к решению этой проблемы. Просто на рубеже 20—30-х годов XIX века важность патологической анатомии и необходимость ее включения в число обязательных учебных дисциплин на медицинских факультетах представлялась подавляющему большинству врачей уже совершенно бесспорной и тому сохранилось немало документальных подтверждений.

Пожалуй, наиболее яркими из них могут считаться материалы эпидемии холеры в России 1829—1832 гг. Столкнувшись с практически неизвестным заболеванием, для изучения которого имелись предельно сжатые сроки — смертоносная болезнь стремительно распространялась по территории России, унося жизни десятков тысяч жителей, русские врачи в первую очередь прибегли к помощи патологоанатомического метода ее изучения. Среди публикаций, вышедших в свет в годы эпидемии холеры, крайне трудно отыскать такую, в которой бы не приводились данные вскрытий умерших от холеры. В работах Е. О. Мухина, Ю. Х. Лодера, А. А. Иовского, в главах "Трактата о повально-заразительной болезни холере", написанных членами Медицинского совета при Центральной комиссии по борьбе с этим бедствием М. Я. Мудровым, И. Е. Дядьковским, А. С. Венедиктовым, содержатся более или менее подробные описания патоморфологической картины холеры и ее обсуждение. Чаще всего авторы приводили собственные патологоанатомические данные, иногда, как это, например, сделал А. А. Иовский¹⁷, использовались материалы, взятые из литературы или отчетов медицинских учреждений. Е. О. Мухин включил в свое сочинение, посвященное холере, специальный раздел "Об открытиях в трупах холериков", в котором отметил, что с помощью патологоанатомических вскрытий он ожидал получить ответы на все вопросы, связанные с холерой: "Меры сия казались достаточно перенести нас в надлежащую степень знания сего предмета и устранить затруднения, проистекавшие от различных мнений о сущности сей гибели и о последствиях действия ее, что необходимо для пользы наук и общепользней жизни"¹⁸. И. Е. Дядьковский не только лично выполнил не один десяток патологоанатомических вскрытий, но и для проверки правильности сделанных им наблюдений специально обратился с просьбой к морфологам Московской медико-хирургической академии (Боголову, Кикину, Костомарову), "чтобы они занялись... вообще тончайшим исследованием изменений, производимых в составе тела холерой..."¹⁹. По свидетельству Ю. Х. Лодера²⁰, большие надежды на морфологический метод исследования возлагали все москов-

ские врачи. Тщательные патологоанатомические исследования были проведены также астраханскими²¹, оренбургскими²², петербургскими, казанскими и харьковскими врачами.

И надо отметить, что качество выполненных российскими врачами в те годы патологоанатомических исследований и их научная ценность были очень высоки даже по сегодняшним меркам. Достаточно сказать, что харьковский профессор А. С. Венедиктов в результате проведения многочисленных макро- и микроскопических патоморфологических исследований смог установить, что ведущим патогенетическим звеном в развитии холеры является обезвоживание организма, возникающее вследствие "отделения влаг желудочно-кишечного канала"²³. К сожалению, на мнение А. С. Венедиктова не было обращено должного внимания, поскольку оно было одним из многих высказанных в то время представлений о патогенезе холеры, но факт остается фактом. И к своему выводу А. С. Венедиктов пришел не путем теоретических умозрительных построений, а в результате проведения вскрытий и сопоставлений патоморфологической картины холеры с патологоанатомической картиной, возникающей в результате "великой потери крови"²⁴. И хотя в 1829—1832 гг. отечественным врачам так и не удалось составить окончательного представления о холере, Медицинский совет во введении к "Трактату о повально-заразительной болезни холере..." особо отметил, что "не взирая на сие... это сочинение принесет значительную пользу частью потому, что в оном тщательно описаны анатомико-патологические изменения, находящиеся в телах умерших от холеры, а более еще потому, что врачебные показания и способы лечения сей болезни приведены в порядке более сообразном с патологическими об оной понятиями, следовательно, бывшему доселе эмпирическому способу лечения положены должные границы"²⁵.

Другой не менее показательной иллюстрацией сложившегося на рубеже 20—30-х годов XIX века отношения отечественных врачей и университетской профессуры к патологической анатомии, ее роли и значению в развитии медицины и подготовке врача могут служить обнаруженные нами в Отделе письменных источников Государственного исторического музея документы, связанные с обсуждением проекта положения о медицинских институтах при российских университетах. Медицинские институты были созданы на рубеже 10—20-х годов XIX века и представляли собой относительно самостоятельные учебные заведения, готовившие лекарей "в службу" по гражданскому и военному ведомству²⁶.

Первоначально каждый институт имел собственные учредительные документы, однако в середине 20-х годов XIX века одновременно с возникновением идеи создания единого общероссийского университетского устава было принято решение унифицировать и их деятельность, разработав для этого единое положение о медицинских институтах. Положение готовилось, по-видимому, независимо от университетского устава, и поэтому при составлении его первого рабочего варианта ни мудровские, ни лодеровские рекомендации учтены не были. Когда же в начале 30-х годов этот вариант был получен в Московском университете для экспертизы, то ряд профессоров медицинского факультета независимо друг от друга прямо заявили, что они не могут понять, как могло случиться, что в перечне обязательных учебных дисциплин отсутствует патологическая анатомия, и потребовали исправления этой грубой ошибки. В частности, с такими заявлениями выступили профессора А. Е. Эвениус, П. П. Эйенбордт, А. А. Иовский, предложившие организовать самостоятельные курсы патологической анатомии либо при ка-

²¹Об открывшейся в г. Астрахани холере (*Cholera morbus*) на основе рапорта от 19 сентября 1823 года в Медицинский департамент Военного Ведомства // Военно-медицинский журнал. — 1823. — Ч. 2. — С. 75—83.

²²Собрание актов и наблюдений, относящихся к холере, бывшей в конце 1829 и в начале 1830 года в Оренбургской губернии, изданное Медицинским Советом. — СПб., 1831.

²³Трактат о повально-заразительной болезни холере, бывшей в России в 1830—1831 гг., сочиненный членами Медицинского совета при Центральной комиссии и рассмотренный Медицинским советом. М. В. Д. — СПб., 1831. — С. 183.

²⁴Там же.

²⁵Там же. — С. 6.

²⁶Подробнее см.: Сточик А. М., Затравкин С. Н., Астахова Е. Ю. К истории возникновения медицинских институтов при российских университетах. Сообщение 2. Возникновение идеи создания системы медицинских институтов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. — 1999. — № 3. — С. 50—53.

¹⁴Там же., л. 20 об.

¹⁵Там же., л. 38 об.—40 об.

¹⁶Там же.

¹⁷Иовский А. А. О болезни, называемой холерою, о лечении ее и предохранении себя от оной. — М., 1830.

¹⁸Мухин Е. О. Описание способов узнавать и лечить наносную холеру с приложением записок о паровых самоварах и ванне, постной и рыбной пище и воздухопроводе, с 3 рисунками. — М., 1831. — С. 75.

¹⁹Дядьковский И. Е. Статьи о холере // Сочинения Иустина Евдокимовича Дядьковского. — М., 1954. — С. 328.

²⁰Лодер Х. И. Христиан Лодер об эпидемии холеры в Москве. Письмо от 14 ноября 1830 года к г. тайному советнику лейб-медику и кавалеру Стофрегену в Санкт-Петербург: Пер. с нем. С. Н. Топорова. — М., 1831. — С. 7.

федре нормальной анатомии (Эвениус, Эйнбордт), либо — при кафедре общей патологии (Иовский)²⁷.

В таких условиях лодеровский проект в той его части, которая касалась вопросов введения преподавания патологической анатомии, был попросту обречен на признание, что собственно и произошло. Высочайше утвержденным 26 июля 1835 г. "Общим Уставом Императорских Российских Университетов" на медицинских факультетах Московского, Казанского и Харьковского университетов было предписано организовать предложенную Ю. Х. Лодером кафедру "Анатомии", на которой бы читались три самостоятельных учебных курса: "а) Анатомия человеческого тела, с присовокуплением Специальной Физиологии и важнейших статей из Сравнительной Анатомии; б) Анатомия Патологическая; в) рассечение трупов"²⁸.

С этого времени патологическая анатомия получила официальный статус обязательного университетского предмета преподавания,

²⁷ОПИ ГИМ, ф. 404, д. 21, л. 43 об.

²⁸Общий Устав Императорских Российских Университетов // Сборник Постановлений по Министерству Народного Просвещения. — СПб., 1875. — Т. 2. — Ч. 1. — Стб. 970.

однако, как очень скоро выяснилось, окончательную победу в деле ее внедрения в учебный процесс на медицинских факультетах российских университетов было праздновать еще рано. Как уже говорилось, завершать работу над уставом и вводить его в действие пришлось не К. А. Ливену, внесшему фактически основной вклад в разработку этого документа, а С. С. Уварову. Последний по уровню своей готовности к руководству Министерством и организационному таланту не только ни в чем не уступал К. А. Ливену, но даже во многом превосходил его. Однако, как это часто бывает, сам по себе факт смены первого лица несколько "спутал карты". То ли К. А. Ливен не передал своему преемнику какую-то часть документов, то ли С. С. Уваров, на долю которого выпало решение самых сложных политических проблем устава, просто не стал заниматься "мелочами", то ли он привлек к работе других советников, но с его приходом на пост министра многие, казалось бы, полностью продуманные и окончательно решенные вопросы в ходе их практической реализации почему-то оказались пересмотренными, причем далеко не лучшим образом. И как это ни печально, но среди них оказалась и проблема внедрения в учебный процесс на медицинских факультетах российских университетов самостоятельного курса патологической анатомии.

Поступила 03.11.99